(Перевод: Ориана)

Иллюзия жжения, кипящая кровь, сердцебиение, подобное барабанному бою.

Цин Чэнь чувствовал, как будто мир ревет, киты пронзительно скулят, горы рушатся и цунами устремляются к нему.

А вместе с этим в его собственную жизнь вернулась бодрость!

Однако вскоре жжение снова утихло. Когда он дышал, линии пламени на его щеках и щеках Ли Шутона все еще были на месте, но воздух, который он вдыхал в свои легкие, превратился в освежающий ветерок, больше не сопровождаемый болью!

Линь Сяосяо, стоящий сбоку, вдруг напомнил: «Держись за свое сознание. Боль, о которой ты забыл, быстро пронесется в твоей голове, вся боль, что есть в твоей памяти. В тот момент, когда начнешь разваливаться на части, если не сможешь преодолеть это, тебе никто не сможет помочь».

Разум Цин Чэня парализовало, потому что боль, о которой говорил Линь Сяосяо, мгновенно нахлынула на него:

Первый раз, когда он начал жить один, он пытался приготовить себе еду и порезал палец. В момент пореза лезвие медленно скользило по коже, он даже вспомнил ощущение срезания отпечатков пальцев.

Во время пытки водой ледяная вода, текущая в его легкие, была похожа на ядовитые саженцы с холодными корнями, пронзавшими его легкие.

Сухость от обезвоживания в темной комнате и боль от пытки водой в предыдущую секунду столкнулись друг с другом.

Еще закат в тот день, когда мама ушла.

Ее спина в лучах заходящего солнца и чемодан за ее спиной…

Все это нахлынуло, как прилив, который вот-вот раздавит скалы у моря в щебень.

Темные морские волны, тонкие, как лезвие ножа, издавали нереальный вой и стоны.

Цин Чэнь, казалось, вернулся во времена пытки водой. Он закрыл глаза.

Он снова погрузился в темное море небытия.

Нежный голос позвал из бездны: «Пойдем с мамой».

Бесчисленные щупальца во тьме пытались утянуть его в эту бездну.

Цин Чэнь сидел с закрытыми глазами.

Эти щупальца, казалось, унесли всю силу его тела.

Снова прозвучал нежный голос: «Сяочэнь, пойдем с мамой».

Цин Чэнь спокойно ответил: «Я проделал такой долгий путь в одиночку, и остаток пути я пройду сам».

Время пролетело в мгновенье ока, он снова открыл глаза.

Неудивительно, что Ли Шутон сказал, что если он не сможет выдержать это, то будет невозможно идти его путем.

Оказывается, все это было ради этого момента.

Дыхание Цин Чэня было подобно бушующему пламени.

Это пламя, казалось, в одно мгновение сожгло прошлое, и с этого момента он понял свой выбор, ему больше не нужно жалеть себя, не нужно оглядываться назад.

Оставшаяся жизнь?

В оставшейся жизни у него есть только путь вперед.

Выражения лиц Е Вана и Линь Сяосяо, стоявших рядом с ними, также изменились. Они выпрямились и посмотрели друг на друга, как будто не ожидали, что Цин Чэнь все еще будет в сознании.

Они тоже испытали такого рода боль, когда боль начинает сливаться воедино, они очень четко знали, каково это, когда начинаешь разваливаться.

Только тот, кто посмотрел в лицо каждой своей боли, может перешагнуть пропасть «допроса сердца», отделить свое прошлое от будущего и двигаться вперед.

Линь Сяосяо пробормотал: «Может быть, Цин Чэнь благодаря своей фотографической памяти никогда и не забывал о своей боли…»

В человеческом мозге есть защитный механизм, который вам позволяет намеренно что-то забыть, чтобы вы могли жить лучшей жизнью.

Однако суперпамять Цин Чэня – это выдающийся талант, но это также причиняет ему бесконечную боль.

Он уже давно привык из года в год пересматривать эти болезненные воспоминания.

Цин Чэнь никогда не был тепличным цветком, он уже очень давно верил в боль.

Более того, он уже перешагнул через эту пропасть.

Ли Шутон медленно разжал свою ладонь и тяжело вздохнул: «Этот этап… все прошло более гладко, чем я думал».

Почему-то, когда он понял, что происходит, он начал переживать за этого мальчика.

Никто не знал, на что была похожа его жизнь и что он нес в себе, обладая таким талантом.

Линии пламени на щеках Цин Чэня начали исчезать. Он спросил: «Зачем эта дыхательная техника?»

Он спросил это потому, что не чувствовал никаких явных изменений в своем теле.

Просто почувствовал себя отдохнувшим и чрезвычайно расслабленным, а слабость, вызванная голоданием в течение четырех дней, быстро исчезла.

«Это всего лишь вспомогательное средство, – сказал Ли Шутон, – эта дыхательная техника – способ дыхания, отличающийся частотой дыхания. Пока ты не можешь использовать ее сам. Когда я проведу тебя еще несколько раз, ты запомнишь этот ритм».

Однако, как только Ли Шутон это сказал, он увидел, как на лице Цин Чэня, сидящего напротив него со скрещенными ногами, огненные линии больше не исчезали, а распространились вновь!

Ли Шутон впервые горько усмехнулся: «Я забыл, со своей суперпамятью ты можешь напрямую запомнить ритм дыхания».

Надо сказать, что сейчас Ли Шутон действительно чувствовал себя беспомощным. Учитель вел

его более 40 раз, прежде чем он кое-как смог запомнить частоту дыхания и повторить без ошибок.

Но мальчик перед ним мог сделать это с первого раза.

Ли Шутон перевел тему: «Раз уж мне не нужно вести тебя, давай я расскажу о наследии Рыцарей, а про дыхательную технику поговорим позже».

«В начале основания Рыцарской организации именно основатель Жэнь Хэ открыл секрет генного замка».

«Согласно его заключению, у человека есть восемь генных замков, и когда человек пройдет восемь испытаний на грани жизни и смерти, генные замки откроются сами собой».

Ли Шутон продолжил: «В самые ранние дни у Рыцарской организации не было техники дыхания. Чтобы считаться настоящим Рыцарем, нужно было пройти сразу все восемь испытаний на грани жизни и смерти. После их завершения все восемь генных замков открываются одновременно, и ты становишься сверхчеловеком».

«В то время было еще много Рыцарей, но потом Рыцарей становилось все меньше и меньше, не потому, что не было подходящих кандидатов, а потому, что есть испытание жизни и смерти, которое нужно пройти в море, но все моря стали запретным местом. Раньше это была огромная опасность, а теперь верная смерть».

«А без прохождения одного из испытаний жизни и смерти генный замок нельзя открыть».

«Но Цинь Шэн, новый лидер рыцарей того времени, был чрезвычайно талантлив. Он создал дыхательную технику. Преемники Рыцарей обнаружили, что бросая вызов жизни и смерти и сопровождая его дыхательной техникой, каждый раз, завершая испытание жизни и смерти, можно открыть генный замок. Необязательно проходить сразу все испытания жизни и смерти, чтобы открыть его».

«Согласно классификации внутреннего мира есть шесть уровней – A, B, C, D, E, F».

«Если у вас нет дыхательной техники, после прохождения сразу всех восьми испытаний вы можете подняться до уровня A, но прежде чем вы станете уровнем A, вы просто обычный человек».

«С помощью дыхательной техники можно подняться до уровня F уже после завершения первого испытания жизни и смерти».

«После завершения шестого испытания получаешь уровень A».

Цин Чэнь даже растерялся, он не ожидал, что сверхлюди в этом мире будут иметь разный уровень силы.

Он вдруг спросил: «Тогда какой у вас уровень, учитель?»

Стоявший сбоку Е Ван сказал: «Босс – полубог уровня S».

Потому что Ли Шутон уже прошел седьмое испытание жизни и смерти, не хватает только последнего.

«Но что такого чудесного в этой дыхательной технике, что она может помочь открыть генный замок?» – спросил Цин Чэнь.

«Ты должен знать об эндорфинах», – сказал Ли Шутон.

Хотя Цин Чэнь обладал суперпамятью, однако раньше он действительно не уделял этому внимания, но, полагаясь на информацию, хранящуюся в его памяти, он сказал: «Как и дофамин, это гормон, который дарит людям счастье, но есть различия: дофамин вырабатывается, когда играешь в игры, выигрываешь в лотерею или от азартных игр, а радость и легкость после занятий спортом дают эндорфины».

Ли Шутон покачал головой: «Все это умные и красивые слова, но дофамин напрямую не делает людей счастливыми, это просто нейромедиатор, который отвечает за передачу серотонина, гормона хорошего настроения. С точки зрения непрофессионала, дофамин и правда дарит радость, но видишь ли, он дарит не радость, а формирует зависимость».

«А как насчет эндорфинов?» – спросил Цин Чэнь.

«Эндорфины сначала дают горечь, а потом дарят сладость. Они связываются в организме с рецепторами морфина и способны снимать боль, но это только их базовая функция, – сказал Ли Шутон. – Предок Цинь Шэн провел очень строгий тест и обнаружил, что, когда Рыцари проходили испытания жизни и смерти, эндорфины в организме выделялись в больших количествах».

«Поэтому он считал, что дофамин – это яд, который топит людей в радости пороков, а успокаивающие боль эндорфины – это ключ, открывающий генный замок».

«Поэтому у Рыцарей появился новый принцип: пройдя через мучительный опыт, поднимешься еще выше».

http://tl.rulate.ru/book/57415/1850147